

ЛИТЕРАТУРА АФГАНИСТАНА НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

А.С. ГЕРАСИМОВА

Кандидат филологических наук

На долю Афганистана в минувшем веке выпало немало тяжких испытаний: государственные перевороты, многолетняя гражданская война, продолжающаяся по сей день, присутствие иностранных войск на территории государства, превращение страны в мировой центр по производству наркотиков, снабжающий своей продукцией весь остальной мир, и другие беды.

Следствием этого стали разрушенная экономика, ужасающая нищета населения, массовый его исход из страны. По различным источникам, Афганистан покинули 2-2,5 млн человек из 13,5 млн довоенного населения. Из Афганистана эмигрировали наиболее образованные представители афганского народа, что значительно обескровило национальную культуру.

В самом начале XXI в. после ввода в Афганистан войск НАТО в стране создан относительный порядок: принята конституция, проводятся якобы демократические парламентские и президентские выборы, работают школы и университеты, а также средства массовой информации. Некоторые представители афганской культуры возвратились из эмиграции на родину.

Однако значительная часть территории страны неподвластна центральному правительству, да и в столице нередки террористические акты, уносящие жизни десятков мирных жителей. Одним словом, мир пока не пришел на многострадальную афганскую землю.

Неудивительно поэтому, что афганская национальная культура, и литература в частности, развивается в XXI в. в основном за пределами своей страны усилиями писателей - выходцев из Афганистана. Главным их достижением и своего рода феноменом можно считать формирование жанра современного афганского реалистического романа. Первые образцы этого литературного жанра появились в литературе Афганистана относительно поздно: в литературе на дари в 30-х - 40-х гг. XX в.¹, в литературе на пушту - в 70-х гг.

На рубеже тысячелетий афганская проза пополнилась новыми произведениями романного жанра, написанными на пушту старейшим литератором **Саадуддином Шпуном** (р. 1932). Он более двадцати лет живет в США, работая на радио «Голос Америки», там же были созданы и его романы. Однако издаются они были в Пакистане. Речь идет о романах «*Шинтагай*» («Сизоворонка», Лахор, 1998) и «*Гатйалай*» («Кормилец», Пешавар, 1999).

Первый из них назван по прозвищу, которое герой романа дал своему голубому трейлеру за быстротходность. Действие в романе происходит во времена правления Бабрака Кармаля (1979-1986). Герой - врач Мухиб - на стороне сил, оказывающих сопротивление центральному правительству Афганистана. Он перевозит оружие на своем трейлере и исполняет свой профессиональный долг, оказывая помощь больным и раненым моджахедам, а также прячет их в психбольнице, когда им грозит опасность.

«Сизоворонку» можно отнести к произведениям шпионско-детективного жанра. В нем действуют представители советской и французской разведок. Его художественная сторона страдает рыхлостью композиции, отдельные его части мало связаны между собой, что мешает динамичному развитию действия. Роман грешит и излишне натуралистическими картинками, особенно это относится к сценам в психбольнице.

Есть в «Сизоворонке» и любовная линия, но она прописана как бы пунктирно. На горном перевале Мухиб увидел перевернувшийся автобус и полузамерзшего мальчика-подростка. Герой взял его в свой трейлер, обогрел и обнаружил, что это молодая женщина. Между ними вспыхивает любовь. Мухиб получает приказ избавиться от женщины, но не выполняет его. Трейлер благополучно прибывает в Кабул благодаря сметливости и изворотливости Шатирины, так зовут героиню, умеющей вести переговоры с представителями законной власти. В столице герои расстаются и встречаются лишь спустя долгих 4 года, пройдя через череду испытаний и перипетий.

Отступая от традиции афганской прозы, где женщина почти всегда жертва, страдающая от несправедливого общества, в котором доминируют мужчины, С.Шпун создает женский образ другого типа. Его героиня обладает независимым характером, отмеченным чертами эмансипации. Оказавшись в трейлере, где лишь одна постель, она сама предлагает Мухибу разделить с ней ложе. По пути из Саланга в Кабул она смело вступает в переговоры с вооруженными представителями власти, обеспечивая беспрепятственную дорогу трейлеру. Шатирина же договаривается с маликом (старшиной рода. - А.Г.) о проведении обряда бракосочетания. «*Твоя девушка говорила мне о браке*», - сообщает врачу малик. Мухиб смущен: «*Эта просьба должна была бы исходить от меня*». Но рисуя внешний портрет афганской женщины, автор остается верен традиции: «С

ног до головы она была одета в пуштунскую одежду: синий бархатный камис (национальное платье. - А.Г.), красные шаровары, черное шелковое покрывало, украшенное по краям разноцветной бахромой, глаза, потемневшие от страданий, на лбу тика*. В воздухе стоял звон от ее ножных браслетов и украшений в виде серебряных колокольчиков»².

Малик, хотя и не является муллою, совершает обряд бракосочетания, раздобыв необходимые для церемонии атрибуты: гору сладостей на цветастом платке и Коран. Произошло это в долине Свата в пору наступления суровых холодов и снегопадов. Новобрачные стояли у окна отеля в молчании; тишину нарушали лишь завывание студеного ветра и хлопанье дверей и окон отеля. *«Шатирина сказала:*

- Вот и начался наш медовый месяц.

- Нет, не месяц, а месяцы, - ответил я. - Мы проживем здесь, пока не растают снега. Ночь мы провели в трейлере как бы в память о первой ночи на Саланге»³.

Так печально-идиллически заканчивается роман «Сизоворонка». Автор оставляет финал открытым. Дальнейшую судьбу героев писатель вряд ли мог предвидеть - в тяжелый период, описанный в романе, трудно было прогнозировать судьбу самой страны.

Большой удачей С.Шпуна следует считать создание нового для пуштунской литературы женского характера. Шатирина в романе «Сизоворонка» - натура действенная, она живет в реальной социально-исторической обстановке своей страны. Она включена в противоборство правительственных и оппозиционных сил, имеет свою гражданскую позицию и умеет ее отстаивать. Создание такого женского характера - новое и значительное явление в прозе Афганистана на рубеже веков.

Роман С.Шпуна «Сизоворонка» - произведение идеологизированное с ярко выраженной антисоветской направленностью. Несмотря на некоторые художественные просчеты: рыхлость композиции, гипертрофированно натуралистические сцены, «Сизоворонка» - бесспорно шаг вперед в процессе становления жанра романа в литературе Афганистана на языке пушту.

Значительно более крупным художественным явлением стал роман того же автора *«Гатйалай» («Кормилец»)*. Его с полным правом можно отнести к современному полнокровному реалистическому роману. Уже его «Пролог» представляет собой яркую, зримую, почти кинематографическую картинку: *«Пока не пришли к нам кафиры (неверных. - А.Г.), всё шло так, как досталось нам от предков; мы ведали и горе и радость. Наш мир не был для нас цветущим розовым садом, но это был наш мир, к которому мы привыкли. Кадир и Хаджи Зардад по-прежнему взимали свои проценты с должников. Лавочник Шах Мухаммад по-прежнему обвешивал нас, отпуская фасоль. Мы, мальчишки, так же воровали дыни с соседских бахчей. Колдуны и гадалки с хурджунами за спиной как всегда сновали из дома в дом. Деревенские муллы так же утешали вдов и сирот. Всё было*

на своих местах. А если кто и жаловался на свою жизнь, так что же, от судьбы не уйдешь.

Когда же пришли эти недруги, всё перевернулось, все сдвинулись со своих мест. Они сбили людей с привычного хода жизни. Может десять лет, может год люди день и ночь, как муравьи, по одному, по двое или из низин, со склонов гор, выходили из рек, из лесной чащи, из пещер, спускались с деревьев. Шли кто, опираясь на посох, кто бегом, на машинах, на ослах, на неоседланных лошадях, на велосипедах, на плотах, с кремневыми ружьями за спиной, с железными сундуками. Двигались и при электрическом свете и при сиянии солнца; и закутанные в покрывала, и с открытыми лицами, и с непокрытой головой; кто в коротких камисах, кто в галошах, кто в высоких ботинках, а кто и вовсе босой. Брели с грудными детьми на руках, по одному, по двое, целыми семьями; и неграмотные, и выпускники университетов, доктора и магистры, мирзы и крестьяне.

Постепенно из капель образовался ручей, поток, канал, а потом такая река, в которой вода течет в мертвой тишине, и течет отовсюду: из Бадахшана, из Хазареджата, из Герата, из Андароба и Таликана»⁴.

Думается, простительно привести здесь такую длинную цитату. Это зачин, экспозиция романа, отчетливо показывающая начало национальной трагедии афганского народа, определившей водораздел, раскол жизни общества на «до» и «после» ввода советских войск на территорию страны.

Далее действие перемещается на некоторое время в Пакистан, где персонажи ожидают въездные визы в США. В дальнейшем роман повествует о жизни главного героя, Гуладжана, в Америке.

Гуладжан - молодой крестьянский парень, от природы наделенный умом, организаторскими способностями, красотой, силой, ловкостью, трудолюбием и чувством собственного достоинства. Он отличается также серьезностью и немногословием. На родине ему довелось получить лишь начальное образование, однако ему удавалось выращивать замечательные дыни, занимавшие призовые места в конкурсах на самую вкусную и ароматную дыню. Вторым серьезным достижением Гуладжана было умение обуздать самую дикую и норовистую лошадь. Герой любил лошадей, у него самого была лишь старая выучная кобыла, но и на ней он умудрялся побеждать в игре *бозкаши***.

Оказавшись в чужой стране, в чуждом мире, не зная ни слова по-английски, молодой афганец и не стремится вписаться в парадигму иной культуры. Он - вполне сложившаяся личность с менталитетом, сформировавшимся на основе социокультурных традиций предков и индивидуального, личного опыта жизни на родине, с которой он только что растался.

Гуладжан верит, что его пребывание на чужбине временное, и мечтает возвратиться в родные края. Лишь по воле судьбы он вынужден обустраивать свою жизнь в чужом мире и делает это, руководству-

* Тика - национальное налобное украшение из металла и бус (прим. авт.).

** Бозкаши - козлодрание - спортивная игра, где всадники, выхватывая друг у друга тушку козла, мчатся к заранее определенному месту; распространена у афганцев, узбеков, туркмен (прим. авт.).

ясь только прагматическими соображениями: довольно быстро осваивает американскую бытовую технику, берет уроки английского у местного падре, обзаводится приятелями-американцами. Гуладжан вполне лоялен к иноязычному окружению, он даже дает деньги падре на американскую церковь, хотя и считает ее очень жадной.

Тем не менее, герой Шпуна остается подлинным афганцем, верным своей религии, привычным стереотипам поведения. Он старается выполнять все предписания ислама: ходит в американскую церковь, где совершает намаз, расстелив в сторонке молитвенный коврик. Гуладжан горько плачет, когда обнаруживает, что пропустил большую часть рамадана (мусульманского поста) по неведению, из-за отсутствия мусульманского календаря.

Сохраняя свою этнокультурную сущность, этот малограмотный афганский крестьянин осваивает чужое культурно-цивилизационное пространство, как бы перенося в него кусочек родной страны и применяя знания и умения, которые приобрел в Афганистане. Он стал заниматься своим привычным делом - возделыванием клочка земли и выращиванием сортов дынь, семена которых привез с собой. С участием троих американских друзей он создает нечто вроде маленького кооператива, и сам трудится на бахче от зари до зари, снискав уважение своих компаньонов.

Уважение Гуладжану оказывает не только его ближайшее окружение. Он стал героем среди значительно более широкого круга американцев. По воле случая ему довелось участвовать в состязаниях родео, где удалось укротить самого дикого и сильного мустанга, который сбросил не одного всадника. Как победитель он получил приз в 20 тысяч долларов, сумма весьма значительная для малограмотного афганца.

Гуладжан с присущей ему скромностью и достоинством встретил приветствия американской публики, однако отказался от заманчивых предложений о заключении контрактов, считая такие выступления за деньги недостойным занятием для мужчины.

Герою Шпуна удастся сохранять чувство собственного достоинства и свои принципы в инокультурной среде, где другая шкала ценностей, где во главу угла ставится успех и доллар.

Постепенно автор расширяет культурно-цивилизационное пространство, в котором существует Гуладжан. Он отправляет своего героя в сопровождении его чернокожего американского компаньона в Нью-Йорк. Там должна была состояться сессия ООН по афганскому вопросу, и туда приехала большая делегация афганцев. Гуладжан отправился в прославленный город, чтобы встретиться с соотечественником, который привез ему семена афганских дынь.

Вот первые впечатления Гуладжана от посещения Нью-Йорка: *«В нью-йоркском отеле "Рузвельт" моджахедов было пруд пруди. Съехались все лидеры в окружении своих братьев, племянников, охранников. Отель стал похож на какой-то пакистанский, потому что повсюду сновало много смуглолицых людей с красивыми вьющимися волосами, которые говорили по-английски с характерным акцентом»*⁵.

Не задумываясь над существом обсуждаемого на сессии ООН вопроса, Гуладжан внимательно наблюдает за поведением своих соотечественников и с некоторым смущением отмечает, что они ведут себя, ориентируясь только на свои национальные традиции и обычаи, нисколько не учитывая место и время происходящего.

Афганцы расселись в большом зале, как на поминках, в ожидании угощения и потребовали, чтобы еду им принесли из ресторана в этот зал. Помощники делегатов быстро соорудили из своих цадэров* дастархан**, и делегаты ели, сидя на полу. *«У каждого лидера был переводчик из афганцев, живущих в Америке. Большинство этих переводчиков работали в разных американских конторах. Если они и не натурализовались полностью, то, по крайней мере, наполовину. Однако узнав о приезде делегации, они тут же всё бросили, вытащили из баулов свои цадэры и национальную одежду, четки. Целыми днями они ходили за своими патронами, а ночью спали под цадэрами в одном из номеров отеля»*⁶. Цельная натура Гуладжана не могла одобрить такое поведение соотечественников, он считал этот явный конформизм унижающим человеческое достоинство. Кроме того, он осуждал афганских лидеров, каждый из которых имел особые, приватные встречи, налаживал персональные контакты с представителями американского конгресса, преследуя личные цели и скрывая свои контакты от других членов делегации.

Получив заветную коробочку с семенами, Гуладжан с компаньоном отправились знакомиться с городом. Нью-Йорк вызвал у них противоречивые чувства. Они восхищались статуей Свободы и небоскребами Манхэттена, но испытали чувство страха, попав в мрачные кварталы, населенные беднотой, кишачные бандитами и жуликами всех мастей и национальностей, вплоть до отпрысков сицилийской мафии, напичканные грязными лавчонками и борделями. *«Одним словом, Гуладжан вздохнул с облегчением лишь тогда, когда они вернулись в свою деревню в Аризоне с коробочкой афганских семян»*⁷.

На американской земле Гуладжан встретил и свою любовь - девушку из кочевого афганского племени ахмадзаев, приехавшую в США навестить брата, давно покинувшего родину. Девушка ответила на его чувства, но потребовала, чтобы он посватался, соблюдая все афганские традиции и обычаи. Это означало, что Гуладжану надлежало лететь на родину, чтобы просить руки возлюбленной у ее отца и получить согласие. Так он и поступил, не отступив от своих этнокультурных установлений.

Роман «Кормилец» значительно менее идеологизирован, политизирован, чем его предшественник «Сизоворонка». Лишь пролог и несколько эпизодов в конце произведения напоминают о национальной трагедии, гражданской войне и борьбе афганцев против чужеземных войск на излете XX в.

Во время пребывания на родине Гуладжану при-

* Цадэр - принадлежность афганской национальной одежды: большой кусок плотной ткани, носимый на плечах наподобие плаща или большой шали (прим. авт.).

** Дастархан - скатерть, расстеленная на полу и уставленная блюдами с едой (прим. авт.).

шло участвовать в террористическом акте - подрыве вертолета правительственных войск. Этот мирный крестьянин проникся настроениями пуштунов-кочевников, к которым принадлежала родня его невесты, и принял участие в подготовленной ими операции.

И герой, и его отец мечтают о том, чтобы воцарился мир в их стране; тогда они бы вернулись в родной Каттаган и зажили, как прежде.

Гуладжан не стремится интегрироваться в американский социум, как это делают герои турецкой литературы, живущие в Германии⁸. Он лишь приспособился к иной социокультурной среде, нашел в ней свою нишу, используя навыки и умения, которые были приобретены им на родине. Герой бережно сохраняет свою религию, национальные традиции и обычаи, одним словом, свою самобытность. Гуладжан идентифицирует себя как афганца, вынужденного временно пребывать в чужой стране и мечтающего вернуться к прежней жизни на родной земле.

Архитектоника романа «Кормилец» очень проста, линейна. Повествование ведется от третьего лица в хронологическом плане. События следуют одно за другим в соответствии с течением времени. В отличие от предыдущего романа С.Шпуна, где довольно точно можно определить время действия, в «Кормильце» нет таких ориентиров. Ясно только, что события в романе охватывают примерно десятилетний период с конца 1979 г., время ввода советских войск в Афганистан, и до конца 80-х гг., когда они были выведены из страны.

С появлением романов С.Шпуна можно с полным правом сказать, что в афганской литературе сформировался жанр современного реалистического романа. Произведения повествуют о частной жизни простого человека во всех ее проявлениях. Достоверно показана среда обитания героев, их связи с другими персонажами, их переживания и чувства. Всё это дано в контексте конкретной социально-исторической действительности. Автору удалось избежать схематичности в изображении героев, особенно в романе «Кормилец», где создан полноценный национальный характер. Романы Шпуна не страдают назидательностью, дидактизмом, которыми отличалась афганская проза прежде. Автора можно упрекнуть лишь в недостаточной психологической проработке характеров. Однако это не умаляет творческого успеха маститого писателя и его вклада в развитие афганской литературы на языке пушту.

Следующим шагом в развитии крупных прозаических форм в афганской литературе на языке пушту стал выход в свет произведения **Мустафы Салика** (р. 1971) *«Пате ша, баран ди»* («Останься, дождь идет», Пешавар, 2000). Жанр своего сочинения автор определил сам, поставив на титульном листе в скобках слово 'навел' (англ. novel). Произведение М.Салика оказалось достаточно популярным и выдержало два издания в течение двух лет в 2000 и 2002 гг.

Мустафа Салик родился в Джелалабаде, в семье офицера. После Апрельской революции в 1978 г. вместе с родителями переехал в Пакистан, где окон-

чил лицей в Пешаваре и учился на литературном факультете в университете «Дават». В 1998 г. работал в Лондоне на Би-Би-Си в течение года и возвратился в Пакистан. На родину вернулся в 2003 г.

Роман озаглавлен словами из популярной народной песни, в нем много места отводится поэзии и музыке как наиболее адекватному способу выражения чувств. В произведении М.Салика повествуется о романтической любви афганского студента Газана к однокласснице из лицей. Сюжет очень распространенный в афганской прозе XX в. - возлюбленные не могут соединиться из-за сословного неравенства или предрассудков. Несмотря на то, что героиня, Цанга, отвечала на чувства Газана, их любовь была обречена. Для деревенской девушки из горного пуштунского племени нечего и мечтать об университете. Односельчане и так осуждали отца Цанги за то, что позволил ей учиться в городе. *«В деревне девушка на выданье становится хозяйкой дома и носит большую чадру»*. При всей распространенности, даже некоторой избитости сюжета роман Салика отличается пристальное внимание к сфере чувств. Он весь проникнут лиризмом, в нем много места занимают стихи, песни, картины природы, звуки, наполняющие их.

Лирическая тональность определяется прежде всего характером главного героя. Газан - личность артистичная, поэтичная, музыкальная, склонная к философским размышлениям. Он мечтал поступить на филологический факультет после окончания лицей и поступил.

Любовь между героями возникла с первого взгляда. Да и как можно было не влюбиться такому впечатлительному, тонко чувствующему красоту юноше в девушку волшебной красоты.

Однажды в класс Газана привели новенькую ученицу по имени Цанга. В Пешаваре афганские беженцы, юноши и девушки обучались совместно в отличие от местных жителей. *«Цанга была сама привлекательность. Поистине она обладала сказочной красотой. Ее нежные розовые губы выглядели только что распустившимся бутонем розы. А когда на них играла улыбка, то ее невозможно было ни с чем сравнить. Короче говоря, весь ее облик необычайно привлекателен: длинная шея, тонкая талия, ровные, тонкие, белые пальцы. Она была подлинным образцом природной пропорциональности и гармонии. Что еще сказать о ней? Говоря словами Хамзы Баба*, она была девушкой - лакомым кусочком... Прекрасна, с какой стороны ни посмотри. Локоны - такие черные, длинные и тяжелые, что и сказать тебе не могу»*. Даже подруги признавали красоту Цанги: *«Злодейка, эти горы, горы кудрей сломают тебе плечи и сильно угрожают твоей талии»*⁹, - шутливо говорила ее лучшая подруга Зарина.

Описание женской красоты у М.Салика отличается от наиболее часто встречавшегося в афганской прозе, когда внимание авторов сосредоточивалось лишь на лице женщины. Салик охватывает взглядом всю фигуру Цанги, отмечая ее красоту и такие

* Хамза Баба - Амир Хамза Шинвари (1907-1994) - знаменитый пуштунский поэт, считающийся отцом современной пуштунской гзели (прим. авт.).

подробности, как необыкновенно красивые волосы и пальцы девушки.

К тому же писатель наделяет героиню хорошим голосом, она тихо пела в классе пуштунские народные песни. Газан был покорен. Девушка ответила на его чувства, и им удалось объясниться.

Сцена объяснения написана автором очень тонко, трепетно; фиксируются тончайшие проявления чувств: дрожь пальцев Цанги, робкое, из-под ресниц, наблюдение Газаном девичьей взволнованности, чувство счастья, охватившее героя, когда возлюбленная подняла «озаренные светом черные очи». В ответ на вопрос героя: «Цанга, ты поверишь, что я тебя люблю? Губы ее задрожали, я чувствовал ее прерывистое дыхание».

Героиня несколько раз порывалась ответить. «Точь-в-точь как голубка с подрезанными крыльями, пытающаяся взлететь с баши, поднималась и опускалась и всё же оставалась на месте»¹⁰.

После выпускного вечера влюбленным пришлось расстаться. Цанга вернулась в свою деревню и была выдана замуж за состоятельного крестьянина: «Горцы не разрешают своим девушкам учиться, университет они считают заведением красных кафиров»¹¹. Газан же стал студентом филологического факультета, но безмерно страдал в разлуке и душевно и физически: «Порой мое тело пронзало нечто вроде электрических разрядов, иногда голову раскалывала острая боль, - рассказывал Газан, - руки и ноги двигались помимо моей воли... Слова "живой труп" раньше казались мне лишь мертвыми - из драм и романов. Теперь же я понял, что я и есть тот самый живой труп»¹². Ни врачи, ни местные знахари не могли помочь герою, единственным желанием которого было - увидеть возлюбленную. Оно стало своего рода *idée fixe*. Тогда врачи порекомендовали другу Газана отвести того в горы Свата, родной край Цанги. Поездка состоялась, в ней герой узнал о судьбе своей любимой, и ему довелось увидеть ее издали. Газан обнаружил себя лишь запиской, оставленной на тропе, по которой шла Цанга, с просьбой спеть для него песню. Цанга спела народную песню, какую пела еще в лице:

«В окрестные горы пришли дожди, дорогая,
Град идет.
Не уходи, останься на ночь здесь, дождь идет».

Эта песня, как рефрен, сопровождает героев в их беседах и поступках. Влюбленные воспринимались окружающими как персонажи старинной пуштунской легенды Адам-хан и Дурханэй. Это своего рода афганские Лейла и Меджнун, которые погибли из-за того, что в силу старых племенных традиций не могли соединиться. «Видеть Цангу оказалось для меня очень сильным потрясением. А вокруг была неопишуемая красота: пение птиц, нежное журчание ручьев, мир водопадов и пастушьих рожков сливались в пленительную музыкальную гармонию бытия... С песней танцевала вся вселенная. Моя голова закружилась, перед глазами танцевали атан горные сосны и высокие вершины гор... В глазах у меня потемнело. А когда я снова открыл их, увидел, что я в Пешаваре, в госпитале "Хайбар", в отделении скорой помощи.

Змарак (друг героя. - А.Г.) и несколько докторов стоят у моего изголовья»¹³.

Так закончил М.Салик поэтичное повествование о любви и несбывшихся надеждах молодых героев, оставив у читателя горькое чувство печали и сожаления.

Следует отметить некоторую особенность языка романа М.Салика - в нем много англицизмов. Неоднократно в тексте романа встречаются слова *emergency*, *chairman*, *announcer* и др., написанные буквами афганского алфавита. Ранее в прозе Афганистана на пушту не встречалось заимствований из английского языка. Эту особенность языка М.Салика, свидетельствующая о его образованности и широком кругозоре.

Проза Афганистана на национальных языках все же имеет очень ограниченную читательскую аудиторию. Тиражи афганских книг не превышают 500-1000 экземпляров; да и процент грамотности в самом Афганистане, Иране и Пакистане, где могли бы читать литературу на местных языках Афганистана без перевода, весьма невелик.

На рубеже тысячелетий литература на языке пушту обогатилась произведениями крупной нарративной формы, освоив жанр реалистического романа. Герои - обычные люди, а предмет художественного исследования - их частная жизнь в современной конкретно-исторической действительности. Появление реалистических произведений романного жанра можно считать крупным шагом на пути развития литературы Афганистана.

Подлинным прорывом в развитии афганской прозы следует считать произведения писателей - выходцев из Афганистана, созданные на европейских языках. Они превосходят рассмотренные выше афганские романы и по охвату жизненного материала, и по его художественному воплощению, и по доступности гораздо более широкому кругу читателей. Романы Халеда Хоссейни (р. 1965) и Атика Рахими (р. 1962) можно считать прорывом, обеспечившим литературе Афганистана заметное место в мировом литературном пространстве. Однако это тема уже другой статьи.

¹ См.: Асоев Х. Формирование жанровой системы прозы Афганистана на языке дари. Душанбе, Дониш, 1988, с. 92-102.

² Шпун Саадуддин. Шинтагай (Сизоворонка). Лахор, 1998, с. 160.

³ Там же, с. 162.

⁴ Шпун Саадуддин. Гатйалай (Кормилец). Пешавар, 1999, с. 1.

⁵ Там же, с. 34.

⁶ Там же, с. 35.

⁷ Там же, с. 37.

⁸ См.: Утургаури С.Н. Немецкие турки (Поиск идентичности) // Кто мы и что - скитанье наше? Восток на Западе. МИВ РАН, 2007, с. 89-107.

⁹ Салик Мухаммад. Пате ша, баран ди (Останься, дождь идет). Пешавар, 2002, с. 4.

¹⁰ Там же, с. 37.

¹¹ Там же, с. 47.

¹² Там же, с. 77.

¹³ Там же, с. 81-82.